

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). — Минск: Амалфея, 2005. — 48 с.

2. Об обращениях граждан: Закон Респ. Беларусь, 6.06. 1996 г. № 407-XIII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.11.2004 г. № 340-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2004 г. — № 189. — 2/1089.

3. О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц: Указ Президента РБ от 15.10 2007 г. № 498: в ред. Указов Президента РБ от 18.06.2009 г. № 323, от 11.12.2009г. № 622 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2009 г. — № 302. — 1/11207.

4. О мерах по дальнейшей де бюрократизации государственного аппарата: Директива Президента РБ от 27.12.2006 г. №2 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://http://www.pra-vo.by/webnpa/text.asp?RN=P00600002>. — Дата доступа: 20.12.2012.

Статут Великого княжества Литовского 1529 г. как социально-интегративный юридический документ

*Землянинова Е. А., соиск. 3 г. БГУ,
науч. рук. проф. Дробязко С. Г.,
д-р юр. наук*

Принятый на сейме в Вильно 29 сентября 1529 г. первый Статут Великого княжества Литовского (далее — Статут) по праву считается уникальным по своей структуре и содержанию сводом законов феодальной Беларуси, заметным явлением в истории отечественного конституционализма. С учетом закрепленных в нем принципов права и иных нормативных положений он может быть рассмотрен как социально интегративный юридический документ, направленный на обеспечение посредством особой правовой формы социального согласия и единства.

Великое княжество Литовское в первой четверти XVI в. характеризовалось достаточно выраженной степенью сформированности основных условий феодального общества. Однако доминировавшее на территории княжества обычное право не могло обеспечить стабильного распределения субъективных прав и обязанностей и устойчивого правопорядка в силу партикуляризма его предписаний и отсутствия системности в регулировании

общественных отношений. Существовавшее в виде великокняжеских привилегий и грамот законодательство достатутного периода не преследовало цели замены обычая писаным правом, принималось в связи с определенными частными случаями и нередко имело временный характер [1, с. 21]. В условиях отсутствия в ВКЛ единой правовой системы внутренняя межсословная и межконфессиональная напряженность существенно возрастала на фоне территориальных и религиозно-идеологических притязаний со стороны Польского и Московского государств. Аграрный характер экономики и возможность получения прибавочного продукта преимущественно на основе использования труда феодально зависимого населения обуславливали ведущую роль земельной аристократии (магнатов) в защите территории государства («обороне земской») и обеспечении его суверенитета. Подтверждением тому может служить положение ст. 1 разд. 2 Статута, согласно которому количество снаряжаемых от каждого землевладельца воинов зависело от соответствующего числа зависимых людей и ценности имения [2, с. 142]. Особая роль шляхты в обороне государства и ее экономическое господство превращали данное сословие в реальную социальную силу, способную обеспечить принудительную реализацию единого нормативного порядка общественных отношений. Именно поэтому шляхетству удалось не только добиться у великого князя юридического закрепления своих прав и привилегий в тексте литовского Статута 1529 г., но и присвоить себе особую прерогативу в качестве «творца» права. Из содержания упомянутого документа следует обязанность государя советоваться с панами радными при принятии законов с учетом общегосударственной пользы [2, с. 149] и охранять шляхетскую честь «от всякого поношения и унижения» [2, с. 148]. Содержание социальной справедливости, послужившее идеологической основой норм Статута, становится понятным на основе высказывания канцлера ВКЛ Льва Сапеги. Он характеризовал положение феодалов в княжестве следующим образом: «...Владзу и волность в руках своих маем, а права сами себе творачы яко наибольшей можем волности своее во всем постерегаем, бо не только сусед, а сполный наш обыватель в отчизне, але и сам господар пан наш звирхности над нами заживати не может, одно только кольки ему право допущаеь» (цит. по: [3, с. 81–82]). Таким образом, общественное благо мыслилось как итог договора, результат согласования интересов представителей привилегированного сословия, служащего наибольшей «вольности» (правовой свободе) шляхты. Если отказаться от привычного марксистского определения права как инструмента насилия, то можно утверждать, что даже такая узкогрупповая трактовка принципа справедливости все же служила «для признания, утверждения и защиты свободы в той мере, в какой это вообще было возможно в те времена» [4, с. 236]. Кроме того, поскольку основным источником при формулировании норм первого Статута ВКЛ служил обычай [3, с. 76],

то, даже законодательно закрепляя свои привилегии, шляхетское сословие опиралось на установившуюся социальную практику, освоенные правосознанием ценности и опыт народа, нашедшие отражение в нормах обычного права. Собственно же об объеме правовой свободы шляхты можно судить на основе юридически гарантированных ей прав и привилегий, к числу которых Статутом отнесены: государственная охрана всех шляхетских вольностей [2, с. 149]; наследственное право собственности [2, с. 150]; сохранение земельных наделов и должностей только за местными феодалами и запрет отбирать их по заочному обвинению [2, с. 148-149]; право на участие в законодательном процессе [2, с. 149]); возможность свободного выезда за границу для обучения рыцарскому делу, «кроме земель неприятелей» [2, с. 149]); защита «всех шляхтичей в их достоинстве» и недопустимость возвышения над ними нешляхтичей [2, с. 150], а также единая привилегия и обязанность участвовать в «обороне земской» [2, с. 142] и др.

Отметим, что многие нормы Статута, имевшие позитивное общесоциальное значение и явившиеся результатом добровольного самоограничения прав шляхты в интересах социального мира и согласия, не могли быть практически осуществлены вне опоры на авторитет и поддержку последней. К числу важнейших из упомянутых положений следует отнести:

- единство закона на территории государства, что создавало правовую основу консолидации земель княжества [2, с. 165];
- юридическую ответственность за неисполнение великокняжеских [2, с. 136, 140] и судебных постановлений и грамот должностных лиц — воевод, старост и державцев [2, с. 152];
- принцип формального равенства всех поданных перед судом [2, с. 135];
- принцип индивидуализации ответственности и ее наступление только в случае виновного поведения субъекта права [2, с. 134] и в соответствии с тяжестью содеянного [2, с. 131–132];
- недопустимость наказания по заочному оговору и необходимость личного участия сторон в гласном («явном») судебном разбирательстве [2, с. 131–132];
- недопустимость обращения в рабство свободного человека, совершившего преступление [2, с. 203];
- возможность обжалования судебных постановлений [2, с. 166];
- недопустимость взимания судебных пошлин сверх установленных законом [2, с. 173];
- освобождение населения государства от уплаты податей и выполнения повинностей, кроме предписанных обычаем [2, с. 139–140].

Именно в названных юридических установлениях нормативно конкретизированы с учетом исторических реалий рассматриваемой эпохи важнейшие общеправовые принципы справедливости, формального равенства и свободы.

В целом Статут Великого княжества Литовского 1529 г. интегрировал разрозненные правовые системы отдельных земель в единый для территории государства правовой порядок, гарантом политической устойчивости которого выступало сословие шляхты. Старобелорусский язык изложения данного документа, на котором велось все делопроизводство в государстве, являлся важнейшей предпосылкой знания права, т. к. ознакомление с его текстом становилось доступным для всего населения Великого княжества. Однако последующее злоупотребление шляхетским сословием «вольностями», законодательно оформленными названным Статутом, не позволило данному юридическому документу полно и последовательно реализовать свой интегративный социальный потенциал.

Литература

1. Доўнар, Т. І. Развіцце асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т. І. Доўнар. — Мінск: Пропілеі, 2000. — 224 с.
2. Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. / Под ред. К. И. Яблонского / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук. — Минск: Изд-во Академии наук Белорусской ССР, 1960. — 254 с.
3. Юхо, І. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. А. Юхо. — Мінск: Беларусь, 1991. — 238 с.
4. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства: учеб. для юрид. вузов и факультетов / В. С. Нерсесянц. — М.: НОРМА, 2001. — 552 с.

Принципы международного усыновления

*Кирдеева И. С., студ. V к. БГУ,
науч. рук. преп. Байбороша Н. С.*

Под принципами международного усыновления следует понимать руководящие начала, на основе которых осуществляется правовое регулирование рассматриваемого института. В указанной сфере можно выделить следующие принципы:

1. Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка. Дефиниция «интересы ребенка» не раскрывается в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС). Сформулировать вышеуказанное определение пытались ученые-цивилисты. Так, И. М. Кузнецова полагает, что «интересы